ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ЯЗЫКЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С.ПУШКИНА И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Т.Г.Трофимович

PROVERBS AND SAYINGS IN A.S.PUSHKIN'S PROSE AND ITS TRANSLATIONS INTO THE BELARUSIAN LANGUAGE

T.G.Trofimovich

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, t.trof@mail.ru

В статье анализируются особенности использования пословиц и поговорок в прозаических произведениях А.С.Пушкина, рассматриваются способы их перевода на белорусский язык, устанавливается сущность русско-белорусских паремииологических параллелей.

Ключевые слова: пословица, поговорка, паремииология, близкородственные языки, перевод

The research analyses the specific of usage of proverbs and sayings in Alexander Pushkin's prose works, considers the methods of their translation into Belarusian and discovers the essence of Russian- Belarusian paremiological parallels.

Keywords: proverb, by-word, paremiologic, related languages, translation

Общеизвестным и общепринятым является тот факт, что гений А.С.Пушкина существенным образом повлиял не только на развитие русской и мировой литературы, но и стал судьбоносным для истории русского литературного языка. «В языке Пушкина, — писал академик В.В.Виноградов, — вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование» [1]. Именно Пушкин в своих произведениях сумел произвести оригинальный синтез разных языковых и речевых стихий, предложив для общественного одобрения качественно новый художественный язык, ставший начальным этапом существования современного русского литературного языка.

Анализ прозаических произведений А.С.Пушкина показывает, что пословицы и поговорки используются в них редко. Так, например, в повести «Капитанская дочка» нам удалось обнаружить не более пятнадцати пословиц и две-три поговорки, единичны они и в других произведениях; в некоторых, как в повести «Выстрел», их нет вообще. Когда речь идет о языке Пушкина, подобный факт вызывает недоумение и удивление. Кажется, что именно Пушкин с его пристальным вниманием к стихии русской народной речи и призывом учиться русскому языку на московских просвириях, как Витторио Альфьери учился итальянскому языку на флорентийском базаре [2], должен был более щедро использовать пословицы и поговорки — бриллианты народной речи.

Можно предположить, что интуитивно улавливаемая Пушкиным поэтика этих единиц, их особый смысл, характер коннотаций позволяли прибегать к ним нечасто как к очень яркому образительно-выразительному средству.

В тексте «Капитанской дочки», например, А.С.Пушкин использует в общей сложности около двадцати пословиц и поговорок. Примерно половину этих единиц составляют общеизвестные (здесь и да-

лее номера страниц даны по изданию «А.С.Пушкин. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1970», т. 7 «Повести Белкина», «Дубровский», т. 8 «Капитанская дочка»): *Семь бед, один ответ* (с. 75); *Береги платье снову, а честь смолоду* (с.77); *Стерпится, слюбится* (с. 96); *Худой мир лучше доброй ссоры* (с. 106); *Конь о четырех ногах, да спотыкается* (с. 117); *Незванный гость хуже татарина* (с. 138); *Долг платежом красен* (с. 167); *Утро вечера мудренее* (с. 168); *Повинную голову меч не сечет* (с. *209). В повести «Метель» и «Станционный смотритель» тоже находим такие пословицы: *Суженого конем не объедешь* (с. 99); *Бедность не порок* (с. 99); *Что с возу упало, то пропало* (с. 125). Практически все эти пословицы зафиксированы В.И. Далем, что свидетельствует об их распространенности, популярности.

Часть пословиц, употребленных Пушкиным, менее известна и популярна: *Зашел к куме, да засел в тюрьме (о неоправданно долгом визите)* (с. 83); *Лошади чужие, хомут не свой, погоняй, не стой (легко распорядиться не своим)* (с. 85); *Брань на воротах не виснет (брань легко прекратить)* (с. 105); *Кто ни поп, тот батька (каждому найдется занятие)*(с. 145); *Мирская молва — морская волна (молва нахлынет и схлынет)* (с. 186). В несколько модифицированном виде по сравнению с современным используется пословица *С лихой собаки хоть шерсти клок* (ср.: *С паршивой овцы хоть шерсти клок*) (с. 151).

Пословицы используются Пушкиным в качестве эпиграфов к отдельным главам повести «Капитанская дочка» (*Береги честь смолоду*; *Мирская молва — морская волна*), в речи персонажей и крайне редко в речи самого автора. Так, например, в повести «Дубровский» пословицы встречаются только в одном месте, буквально на одной странице, когда описывается приезд Владимира Дубровского и его встреча в Песочном с кучером Антоном. Реплики кучера содержат россыпь пословиц: *Плетью обуха не перешибешь*; *Было бы корыто, а свиньи будут*; *Не печаль*

кума, не муди гостей; На чужой рот пуговицы не нашьешь (с. 204).

Такая же высокая концентрация пословиц в тексте после полного отсутствия, встречается и в повести «Метель» уже в рамках косвенно прямой речи: *...И наконец единогласно все решили, что, видно, такова судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное.* Далее Пушкин позволяет себе оценочную сентенцию: *Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание* (с. 99). Можно предположить, что концентрация пословиц в одном месте — особый художественный прием, который использует автор.

Пословицы и поговорки, вне всяких сомнений, являются ярким средством речевой характеристики героев. Вложив в их уста образные выражения народной речи, автор помогает читателю понять их личностную сущность. Вот мудрая и самоотверженная Василиса Егоровна. *Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да венник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить* (с. 99); Вот слова будущего бунтовщика Пугачева. *Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо»* (с.88); *«Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину; лесничий ходит* (с. 88).

Таким образом, обобщенный взгляд на состав и функции пословиц и поговорок, встречающихся в пушкинской прозе, позволяет сделать вывод о том, что к этому богатству народной речи писатель относился со вниманием, дозировано и эффективно используя его коммуникативный и художественный потенциал.

Обратимся к переводам А.С.Пушкина на белорусский язык. К настоящему времени существует довольно большое их количество. Полный список можно найти в книге «А.С.Пушкін і Беларусь» (Минск, 1999), в нем около двухсот позиций. Чаще всего на белорусский язык переводились стихи, роман «Евгений Онегин», сказки, трагедия «Борис Годунов». Как показывает упомянутый список, прозаические произведения переводились редко. Эти переводы датируются концом тридцатых годов, а также сороковыми годами прошлого века. Практика библиографического оформления тогдашних изданий была такова, что фамилия переводчика не указывалась. Есть основания считать, что прозу Пушкина успешно переводил Кузьма Черный [3].

Обратимся к переводам и попытаемся установить, как употребленные Пушкиным пословицы и поговорки переданы на белорусском языке. Для анализа оказались пригодными тексты повестей «Капитанская дочка» (Пушкін А.С. Капітанская дачка. Пер. з рус. — Мн., 1949), «Станционный смотритель», «Метель» (Пушкін А.С. Станцыйны даглядчык. Мяцеліца. Пер. з рус. — Мн., 1937), поскольку

пословицы в них не единичны и есть белорусские переводы.

Понятно, что переводчик, стремясь передать дух, а не букву оригинального текста [2], использует все возможные способы переводов пословиц и поговорок. Как показывает анализ переводов, чаще всего переводчик использует генетическую близость языков и переводит пословицы буквально. *Береги честь смолоду — Беражы гонар змолладу* (с. 7); *Береги платье снову, а честь смолоду — Беражы адзежу знову, а гонар змолладу* (с. 15); *Зашел к куме, да засел в тюрьме — Зайшоў к куме, ды засеў у турме* (с. 23); *Стерпится, слюбится — Сцярпіцца, злюбіцца* (с.40); *Худой мир лучше доброй ссоры — Дрэнны мір лепей за добрую сварку* (с. 51); *Непрошенный гость хуже татарина — Няпрошаны госць горш за татарына* (с. 95); *С лихой собаки хоть шерсти клок — З ліхога сабакі хоць шэрсці клок* (с. 113); *Что с воза упало, то пропало — Што з ваза ўпала, тое прапала* (с. 63) и т.д.

Нередко переводчик вообще отказывается от перевода пословиц и дает их по-русски: *Бапрэ ў перапалоху хацеў быў прыўстаць і не мог: француз быў п'яны. «Семь бед, один ответ»* (с.10); *Слухай, фельдмаршал. Мы з яго благодародзем старыя прыяцелі: сядзем, павячэраем; «утро вечера мудренее»* (с. 135). Эпиграф к главе «Суд» тоже дается без перевода: *Мирская молва — морская волна.*

Единичны случаи, когда русская пословица передается совпадающей по смыслу белорусской пословицей же: *Пугачев развеселился. Долг платежом красен, сказал он, мигая и прищуриваясь. — Пугачоў развяселіўся. Дар за дар, — сказаў ён, міргаючы і прыжмурваючыся; А что с ним случилась такая оказия, то былъ молодицу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается. — А што з ім здарылася такая аказія, дык былъ малайцу не дакора: конь і чатыры нагі мае, ды спатыкаецца.*

Что же следует из приведенных фактов? Прежде всего укажем на то, что впечатление о практической идентичности паремиологии русского и белорусского языков действительности не соответствует. Некий общий пословичный пласт существует, о чем свидетельствуют и изученные переводы, и современные паремиографические источники. Так, в последнем издании академического русско-белорусского словаря (Русско-белорусский словарь, 2012) читаем: *Стерпится — слюбится — Сцярпіцца — злюбіцца; Конь о четырех ногах, да спотыкается — Конь на чатырох нагах, ды і то спатыкаецца* (т. 1, с. 791); *Что с воза упало, то пропало — Што з ваза ўпала, тое прапала* (т. 1, с. 228) и т.д.

Значительно больше случаев, когда один и тот же смысл выражают разные по составу русские и белорусские пословицы: *Долг платежом красен — Што вінен, адаць павінен* (букв. Что должен, отдать должен) (т. 1, с.459); *Утро вечера мудренее — Пераначуем, болей начуем* (букв. Переночуем, больше услышим) (т. 3, с. 763); *Семь бед — один ответ — Адна казе смерць; Адзін раз Марку жаніць; Адзін грэх: хоць раз у лоб, хоць два* (Санько 1991, с. 39); *Береги честь смолоду — Шануйся змалада — не*

напаткае бяда; Шануй рапуху ў садзе, а сябе ў грамадзе (Санько 1991, с. 8); Худой мир лучше доброй ссоры — Святы спакою, лепей з табою; Хоць і не пышина, абы зацішна [4]. Рамки настоящей публикации не позволяют продолжить перечень фактов паремиологического своеобразия русского и белорусского языков, но и приведенных, думается, достаточно для вывода, который подтверждают многочисленные исследования: каждый из языков имеет свой, достаточно своеобразный инвентарь пословиц и поговорок.

Встает еще один вопрос. Почему же переводчик пушкинской прозы на белорусский язык редко использует русско-белорусские паремиологические параллели? Полагаем, что существует несколько причин тому. Нет оснований считать, что переводчик не знал белорусских пословиц и поговорок: вниманием, любовью, бережным отношением к родной речи всегда отличались настоящие писатели.

Основной тезис, которым руководствовались и руководствуются переводчики, в свое время сформулировал А.С.Пушкин в работе «О Мильтоне и переводе “Потерянного рая” Шатобрианом»: «Переводчик должен стремиться передавать дух, а не букву» [2]. Именно это, как нам представляется, определило способ обращения переводчика с пословицами и поговорками пушкинского оригинала. Паремиологические единицы любого языка обладают, если можно так выразиться, повышенным национальным зарядом, слишком прочно связаны с менталитетом народа. Если при переводе пойти по пути безоговорочного подбора различающихся параллелей, перевод плохо будет передавать дух оригинала.

Похоже, выявленные нами факты это подтверждают. Употребление русских пословиц без перевода, пословный перевод пословиц — верное свидетельство того, что переводчик хотел сохранить русский дух текста, «русскость» характеров героев. Близкое родство русского и белорусского языков этому способствовало. Вполне органично звучат по-белорусски пушкинские строки: *Дзе ты бачыш дарогу? Нябось: коні чужыя, хамут не свой, паганяй, не стой (с. 26). У гародзе летаў, каноплі кляваў: штурнула бабуля каменчыкам — ды міма (с. 29).*

Стремлением сохранить русский дух текста мы склонны объяснить и наличие русизмов в переведенных пословицах: *зайшоў к куме (белор. зайшоў да*

кумы), алтын дзенег (белор. алтын грошай), хоць шэрсці клок (белор. хоць шэрсці іматок). Не исключено, однако, что русизмы появились здесь в результате сильного влияния русского языка на белорусский и известной неустойчивостью белорусских языковых норм в тридцатые-сороковые годы.

В конце заметим, что проведенные нами разыскания позволяют сформулировать еще один частный вывод. Белорусская пословица *Нязваны госць горі за татарына* [5] является заимствованием из русского языка. Трудно сказать, кто первым употребил ее по-белорусски, возможно, это был переводчик «Капитанской дочки».

Таким образом, пословицы и поговорки являются органичным компонентом пушкинского языка, формируют его своеобразие и образность, являются средствами выражения русского духа в оригинале и переводе на белорусский язык.

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1982. 529 с.
2. Пушкин А.С. Собрание сочинений в одном томе. М., 1984. 490 с.
3. Колас Якуб. Сонца нашай паэзіі // А.С.Пушкін і Беларусь. Мінск, 1999. 425 с.
4. Боярина Е.Л., Сивченко, В.Н. 2000 русских и 2000 белорусских идиом, фразеологизмов, устаревших слов. Мінск, 2006. 213 с.
5. Лепешаў І.Я., Якальцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск, 2006. 530 с.
6. Санько З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск, 1991. 245 с.

References

1. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII—XIX vv. [Essays on the history of the literary Russian language of 17-19th centuries]. Moscow, 1982. 529 p.
2. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii v odnom tome [Collected works in single volume]. Moscow, 1984. 490 p.
3. Kolas Yakub. Sontsa nashai paezii [The Sun of our poetry]. Ia. Kolas. A.S.Pushkin i Belarus' [A.S.Pushkin and Belarus]. Minsk, 1999. 425 p.
4. Boiarina E.L., Sivchenko V.N. 2000 russkikh i 2000 belorusskikh idiom, frazeologizmov, ustarevshikh slov [2000 Russian and 2000 Belarusian idioms, phraseological units and archaisms]. Minsk, 2006. 213 p.
5. Lepeshay I.Ia., Iakaltsevich M.A. Sloynik belaruskikh prykazak [Dictionary of Belorussian proverbs]. Minsk, 2006, 530 p.
6. San'ko Z. Maly ruska-belaruski sloynik prykazak, prymavak i frazem [Russian-Belarusian concise dictionary of proverbs and phrasemes]. Minsk, 1991. 245 p.